

Дарюс Сталюнас

Польша или Русь?

ЛИТВА В СОСТАВЕ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

Новое
Литературное
Обозрение

2024

УДК 94(474.5)
ББК 63.3(4Лит)
С76

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слѣзкин, Р. Уортман*

Редактор серии И. Мартынюк

Сталюнас, Д.

С76 Польша или Русь? Литва в составе Российской империи / Дарюс Сталюнас; авториз. пер. с литовского Т. Тимченко. — 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 376 с. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2258-6

История становления России как империи и доминирование в ней националистического дискурса наглядно отражается в той политике, которую страна проводила в отношении своих «окраин». Среди них — земли Великого княжества Литовского, названные в официальной номенклатуре XIX века Северо-Западным краем. Государственная идеология, создавшая образ этих территорий как исконно русских, загнала себя в «дискурсивный капкан»: этнокультурная реальность края была иной. Книга Дарюса Сталюнаса анализирует национальную политику в отношении каждой из наиболее многочисленных этнических групп этого региона — белорусов, литовцев, евреев и поляков. Его исследование показывает, что в Литве большинство мер, направленных на «обрусение», «исправление», «слияние» или «сближение» нерусского населения, оказались либо безрезультатными, либо привели к совсем не тем последствиям, на которые надеялись власти. Причины этих неудач были прежде всего связаны с господствующими идеологическими стереотипами, мешавшими увидеть сложную конфигурацию социальной действительности. Дарюс Сталюнас — ведущий научный сотрудник Института истории Литвы.

УДК 94(474.5)
ББК 63.3(4Лит)

В оформлении обложки использована фотография башни Гедимины.
Фотограф М. Бутковский. Ок. 1906 г.

© Д. Сталюнас, 2022
© Т. Тимченко, перевод с литовского, 2022
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022; 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	7
Историография	14
Метод исследования и структура книги	40

Раздел I. Земли Великого княжества Литовского на ментальных картах имперской элиты

<i>Глава 1. Переименование пространства</i>	51
<i>Глава 2. Формирование концепции Западной Руси</i>	65
<i>Глава 3. Этнографические аргументы</i>	73
<i>Глава 4. Территориально-административное деление как инструмент национальной политики</i>	90
<i>Глава 5. Символическое освоение пространства</i>	109

Раздел II. Разновидность «русификаций» после 1863 года

<i>Глава 6. Поиск концепции национальной политики в Северо-Западном крае в 1855–1863 годах</i>	121
<i>Глава 7. Многозначность понятия «обрусение»</i>	129
<i>Глава 8. Когда сегрегация стала приоритетом: имперская власть и поляки</i>	138
«Обрусение» поляков	138
Элиминация польского языка из публичного пространства	147
«Деполонизация» школ	149
Политика в отношении книг на польском языке	152
<i>Глава 9. Ассимиляция или аккультурация? Имперская политика в отношении литовцев в 1860-х годах</i>	160
Кириллица — инструмент аккультурации литовцев	163
Учреждение «народных школ» в Ковенской губернии	173
Введение кириллицы — инструмент ассимиляции литовского населения	188
Корректировка методов начального образования	198

<i>Глава 10. Белорусы как часть триединой русской нации</i>	206
Печатные издания	206
Начальное обучение	212
Введение русского языка в католическое богослужение	224
<i>Глава 11. Массовое обращение католиков в православие в 1860-х годах</i>	236
Масштаб обращений	236
Официальная интерпретация	239
Роль местной и центральной властей	242
Исполнители	248
Методы «прямых обращений»	251
Отход от политики «прямых обращений»	261
<i>Глава 12. «Еврейский вопрос» в Северо-Западном крае</i>	268
«Обрусение» по-муравьевски	275
Есть ли будущее у «жаргона»?	284
На каком языке должны молиться евреи?	291
Метаморфозы во взглядах И. П. Корнилова на «еврейский вопрос»	300

Раздел III. Старые и новые вызовы после революции 1905 года

<i>Глава 13. «Польский вопрос»</i>	314
<i>Глава 14. Программа «развития белорусских национальных чувств»</i>	323
<i>Глава 15. Что делать с литовцами?</i>	332
 <i>Вместо выводов: «Роковой круг», или Почему России не везло в Литве?</i>	 344
<i>Указатель имен</i>	368

ВВЕДЕНИЕ

Вспоминая свою работу на посту виленского губернатора в 1860-х годах, Иван Алексеевич Шестаков писал, что возможны лишь две точки зрения на земли Великого княжества Литовского, присоединенные к России в конце XVIII века: как на польские или как на российские. При этом литовцам он отводил маргинальную роль: «На Литву, политически, можно смотреть только двояко: как на часть России или как на часть Польши. Третий взгляд — автономический — противится истории, смыслу и цели вещей. Чисто литовское население едва заметно и сливается с соседними белорусским, польским и латышским»¹. В то время, в эпоху политики «обрусения», возможность отнесения земель Великого княжества Литовского или к Польше, или к России могла присутствовать в умах имперских чиновников, но ни в коем случае не могла быть озвучена в официальном или общественном российском дискурсе, поскольку эта территория уже была объявлена «исконно русскими землями», и задачей чиновников, а значит, и И. А. Шестакова было «возвращение» этого края на истинный путь его развития, защита проживающих здесь литовцев и белорусов (или, пользуясь терминологией чиновников, русских) от «полонизации», недопущение нового «польского мятежа» (именно так в то время было принято называть восстание 1863–1864 годов).

Конкуренция различных имперских/национальных проектов (в случае приведенной выше цитаты И. А. Шестакова — Польши и России) отражалась в высказываниях чиновников и публицистов и в отношении других окраин Российской империи.

¹ РНБ ОР. Ф. 856. № 5. Л. 418. В книге используются официальные названия городов, например Вильна до 1920 года, Вильно — 1920–1939, Вильнюс — после 1939 года, а также в том случае, когда говорится о литовском дискурсе.

В 1867 году влиятельный (возможно, и наиболее влиятельный) публицист середины XIX века — главный редактор журнала «Московские ведомости» Михаил Никифорович Катков ставил достаточно острый вопрос о будущем Остзейских губерний (с середины XIX века — Прибалтийские губернии): кому они будут принадлежать — России или Германии?¹ Земли Великого княжества Литовского, получившие в XIX веке в официальной номенклатуре название Северо-Западный край и вместе с Правобережной Украиной ставшие Западно-Русским краем, со стратегической точки зрения не были так важны для Санкт-Петербурга, как Прибалтийские губернии, Царство Польское (со второй половины XIX века — Привислинский край) и Великое княжество Финляндское, но можно говорить о том, что этот регион вместе с Малороссией был исключительно важен для правящей и интеллектуальной элиты империи в вопросе русского национализма². Поэтому национальная политика, проводившаяся имперскими властями на этой территории, прекрасно отражает не только рост влияния на правящую элиту идеологии национализма и гравитацию государства в направлении империи нового типа, которую историки называют и «национальной», и «национализирующей», и «непоследовательно национализирующей»³, но и проблемы, с которыми столкнулась

¹ *Brüggemann K.* Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. S. 18. Похожее выражение: *Ibid.* S. 234, 443. В российском дискурсе Литва была отнесена к Прибалтике только после 1918 года.

² *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000; *Hillis F.* Children of Rus. Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation. Ithaca; London: Cornell UP, 2013; *Remy J.* Brothers or Enemies: The Ukrainian National Movement and Russia from the 1840s to the 1870s. Toronto: Toronto University Press, 2016.

³ *Nationalizing Empires* / Ed. S. Berger, A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015; *Brüggemann K.* Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert; Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Баландирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / Ред. И. Герасимов. Казань: Ab Imperio, 2017. С. 398; *Kotenko A.* An Inconsistently Nationalizing State: The Romanov Empire and the Ukrainian National Movement // *The Tsar, The Empire, and The Nation. Dilemmas of Nationalization in Russia's Western Borderlands, 1905–1915* / Ed. D. Staliūnas, Y. Aoshima. Budapest; New York: CEU Press, 2021. P. 17–31.

Россия, пытаясь ответить на вызовы новой эпохи, и в первую очередь — на идеологию национализма¹.

Северо-Западный край, возможно, в большей степени, чем любая другая окраина Российской империи, иллюстрирует тезис Михаила Дмитриевича Долбилова о «дискурсивном капкане»², который был создан официальной идеологией, постулировавшей «исконную русскость» этой территории. Отправлявшиеся на службу в Северо-Западный край имперские чиновники сталкивались с этноконфессиональной реальностью, разительно отличавшейся от образа, циркулировавшего и в бюрократической переписке, и в общественном дискурсе (в исторических повествованиях, этнографических описаниях, статистике и публицистике)³. Наряду с относимым властями к русским плохо образованным, говорившим на разных белорусских диалектах крестьянством, которое, согласно официальной статистике, составляло большинство населения Северо-Западного края, в крае проживали другие группы, чуждые русским в этнокультурном отношении. Основную часть социальной элиты составляло говорившее на польском языке и исповедовавшее католицизм дворянство, которое имперские чиновники считали своим главным врагом. В городах и местечках значительную часть населения составляли в этническом, языковом, конфессиональном и хозяйственном смысле совершенно чуждые русским (и к тому же объявленные вредными) евреи. В западной части Северо-Западного края (Ковенская губерния и часть

¹ М. Рольф в исследовании, посвященном Царству Польскому, констатирует, что «вся сложность управления полиэтническими империями становится нам видна только в таких местных конфликтных сообществах» (*Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 27). Этот вывод справедлив в отношении если не всех, то большинства окраин Российской империи.

² *Dolbilov M.* Russification and the Bureaucratic Mind in the Russian Empire's Northwestern Region in the 1860s // *Kritika.* 2004. № 5. P. 261.

³ Согласно официальной статистике того времени, из примерно 5,6 млн жителей Северо-Западного края немногим более 3 млн составляли русские (русские, белорусы, украинцы), около 0,5 млн — поляки, около 1,5 млн — литовцы (в это число входили и латыши, проживавшие в Витебской губернии), около 0,6 млн — евреи. См.: *Staliūnas D.* Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam; New York, NY: Rodopi, 2007. P. 111.

Виленской губернии, а также относящаяся к Царству Польскому Августовская (Сувалкская) губерния) компактно проживали исповедовавшие католицизм (а также евангелико-реформаторство) литовцы, для обозначения которых в российском дискурсе использовались два этнонима — литовцы и жемайтийцы («литва и жмудь»), притом что принадлежность этих субгрупп к одной и той же этнической общности (литовцы) у большинства чиновников сомнений не вызывала¹. Крестьян, говоривших на литовских наречиях, часть чиновников рассматривала как возможную опору империи и достаточно часто как «потенциальных русских», обосновывая эту точку зрения теориями, согласно которым если литовцы и не славяне, то очень близкая славянам группа. Проблема состояла в том, что большинство литовцев исповедовало католичество и это превращало их в «потенциальных поляков»².

Наличие «дискурсивного капкана» иллюстрируют и некоторые решения властей. Если решение о невведении (вплоть до конца существования империи) в трех губерниях — Виленской, Ковенской, Гродненской — институтов местного самоуправления — земств, поскольку существовало опасение, что в земствах возьмут верх враждебно настроенные к России этнические группы, не было необычным — земства не были введены и в Прибалтийских губерниях, и в Царстве Польском, то ситуация отсутствия во всем Северо-Западном крае высшей школы с середины XIX века весьма красноречива. Университеты или высшие школы другого типа в середине XIX — начале XX века работали в Царстве Польском, Прибалтийских губерниях, Великом княжестве Финляндском и в Юго-Западном

¹ Жемайтия (Самогития; лит. *Žemaitija*, от лит. *žemas* («низкий», «нижний»), в рассматриваемый период часто Жмудь (термин мог использоваться и как этноним)) — северо-западная часть Литвы. В XIX веке могла иметь как исторические коннотации (земли бывшего Жемойтского староста), так и этнолингвистические (территория, население которой говорит на жемайтийском диалекте).

² Терминология введена Джоном Уильямом Слокумом: *Slocum J. W. The Boundaries of National Identity: Religion, Language, and Nationality Politics in late Imperial Russia*, PhD, The University of Chicago. Chicago, IL, 1993. P. 105. Первым в отношении литовцев эту терминологию применил Теодор Р. Уикс: *Weeks T. R. Official Russia and Lithuanians, 1863–1905 // Lithuanian Historical Studies*. 2001. Vol. 5. P. 68–84.

крае (Киевская, Волынская и Подольская губернии). Если мы посмотрим на географию высших школ в западных губерниях Российской империи, Северо-Западный край выглядит пустыней. Такая ситуация сложилась вопреки планам и местного общества, и имперских властей, пытавшихся учредить в этом регионе высшую школу. Хотя край был объявлен «исконно русскими землями», опасения, что университет, политехническая или сельскохозяйственная высшая школа попадет под влияние поляков или евреев, не позволяли осуществить ни один из проектов, которые были крайне необходимы как для уменьшения экономической отсталости края, повышения уровня образования, так и в более широком плане — для модернизации империи¹.

Эта книга о том, как Российская империя реализовывала концепцию «национальной империи» в Северо-Западном крае, с какими проблемами пришлось столкнуться имперским властям и к каким результатам привела национальная политика, проводившаяся с середины XIX века до конца существования империи Романовых². Национальная империя — это империя, в которой и в результате символических практик, и в результате конкретных мер национальной политики рядом с недоминирующими национальными группами появляется доминирующая нация. Такое представление об империи может осмысляться как в старых — сословных категориях (в этом случае русский народ представляется «как подобие нового господствующего сословия — вроде дворянства в дореформенной России, надтерриториальной системообразующей группы»³), так и как политика, имеющая черты национального государства, то есть такая, в которой есть титульная нация и национальные меньшинства.

¹ *Staliūnas D.* Visuomenė be universiteto? (Aukštosios mokyklos atkūrimo problema Lietuvoje: XIX a. vidury s — XX a. pradžia). Vilnius: LII, 2000.

² Книга не претендует на отражение общей картины российской политики на исторических землях Вкл. Тем, кого интересует эта тема, можно рекомендовать сборник работ под редакцией М. Д. Долбилова и А. И. Миллера: Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

³ Новая имперская история Северной Евразии, часть 2: Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / Под ред. Ильи Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. С. 300.

Тяготение в сторону «национальной империи», конечно, совсем не означает отсутствие конкурирующих представлений об империи, основанных на сотрудничестве с элитой окраин.

Проводившаяся в рассматриваемый нами период национальная политика, которая была призвана превратить представления о национальной империи в реальность, определялась как «обрушение»; это определение мы встречаем и в более поздней исторической литературе. В книге я предлагаю метод деконструкции стоявшей за этим понятием национальной политики, то есть метод ее описания современным научным языком. Я стремлюсь в самом общем смысле ответить на вопросы, какие цели преследовали власти в Северо-Западном крае в отношении наиболее многочисленных этнических групп (белорусов, литовцев, евреев и поляков) и какие средства применялись для достижения этих целей¹. Я стараюсь ответить на вопросы о том, что значит «обрушение» в XIX веке, в чем сходства и различия имперской политики в отношении литовцев, поляков, белорусов и евреев; почему имперские власти так часто рассматривали проекты этнического территориализирования именно этого региона; почему чиновники ставили перед собой задачу массового обращения в православие белорусов, но практически не стремились превратить в православных литовцев, почему к незначительному числу перешедших в «господствующую религию» поляков и евреев относились с подозрением; почему власти, преследуя достаточно разные цели, использовали практически идентичные (на первый взгляд) средства конфессиональной инженерии, например введение русского языка при отправлении религиозных обрядов «иностранных исповеданий»; почему в Северо-Западном крае кириллица была обязательна для белорусов, украинцев, литовцев и проживавших в Витебской губернии латышей, но ни в коем случае не для поляков этого края (хотя кириллица достаточно широко использовалась в этот период в Царстве

¹ Поскольку в центре исследования находится политика, проводившаяся имперскими властями, этнонимы используются в том значении, в каком их понимали чиновники и публицисты. То есть эти категории нельзя соотносить ни с современными понятиями национальной и культурной принадлежности, ни с доминировавшими в то время самоидентификациями членов рассматриваемых групп.

Польском) и не для евреев (кириллизация идиша или иврита в то время даже не обсуждалась); почему в учрежденных после восстания 1863–1864 годов в Ковенской губернии народных школах учителя сначала общались с учениками только с помощью жестов, как герой романа Даниеля Дефо Робинзон Крузо с Пятницей; почему именно в этом регионе еще в 1860-х годах обсуждается политика сегрегации в отношении евреев, хотя в масштабах империи переход к такой политике осуществляется только в 1880-х годах; с какими вызовами столкнулась национальная политика в 1905 году и позже в условиях нового политического режима, когда часто декларировались те же цели и предлагались те же средства, которые были в арсенале адептов «русского дела» на полвека раньше. Эти вопросы, ответы на которые составляют лишь небольшую часть анализируемых в этой книге проблем, достаточно ярко демонстрируют разнообразие «обрусения» в Северо-Западном крае, и это разнообразие я и попытаюсь раскрыть.

Понятие «обрусение» и в бытовом, и в академическом контексте достаточно часто имеет этноцидные коннотации, и уже одно это превращает данное явление (правда, не столько в контексте истории понятий (*Begriffsgeschichte*), сколько в контексте обсуждения национальной политики) в важный объект национальной историографии. Историографию, посвященную политике России в Северо-Западном крае и несколько шире — на западных окраинах империи, условно можно разделить на две части¹. Сначала я хотел бы остановиться на той части историографии, которая «репрезентирует» не доминировавшие в Российской империи национальные группы, и более подробно рассмотреть становление литовской исторической литературы, посвященной этой проблеме. Такой выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, насколько мне известно, литовская историография

¹ Более ранние публикации на эту тему см.: *Сталюнас Д.* Имперский режим в Литве в XIX веке (По литовским учебникам истории) // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 365–390; *Он же.* Взгляд на политику Российской империи в литовской историографии // *Западные окраины Российской империи* / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 533–552. С целью экономии места и в этой части, рассматривающей историографию, и в других частях книги приводится более краткий в сравнении с предыдущими публикациями список литературы.

этой проблематики гораздо более многочисленна в сравнении, например, с польской или белорусской. Во-вторых, литовская национальная историография, в отличие от белорусской, имеет более глубокие традиции, поскольку она имела возможность развиваться в межвоенный период. Даже в советское время каноны марксизма советского толка ощущались в Литве не так сильно, как в Белоруссии. В-третьих, литовская историография известна мне лучше всего.

Вторая часть обзора историографии будет посвящена западной и современной российской историографии. Такая комбинация объясняется характерными для обеих историографий тенденциями выбора методов исследования, формулирования выводов и достаточно хорошо наблюдаемого стремления дистанцироваться от национальных историографий, «представляющих» недоминирующие национальные группы Российской империи.

ИСТОРИОГРАФИЯ

В литовской историографии первой половины XX века наряду с доминировавшей этноцентристской антипольской парадигмой, определенной литовско-польским конфликтом, переросшим в межгосударственную конфронтацию после 1918 года, когда II Польская республика присоединила к своей территории «сердце Литвы» — историческую столицу Вильнюс¹, имелся еще один фактор, оказывавший влияние на изучение литовской истории XIX века и национальной политики Российской империи, — отсутствие очень важных исторических источников. Основные архивы, связанные с историей Литвы в составе Российской империи, оказались за пределами Литовской республики — в Вильно, Ленинграде и Москве. В условиях отсутствия источников детальные исследования отдельных эпизодов истории XIX века, особенно имперской политики, были практически невозможны. Лакуну архивных материалов заполнили другие исторические источники — прежде всего мемуары, в первую

¹ О важности вильнюсского вопроса для литовского национализма см.: *Mačiulis D., Staliūnas D. Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question, 1883–1940.* Marburg: Herder-Institut, 2015.

очередь связанные с сопротивлением насаждавшейся властями кириллице. Характер этих источников влиял и на историографию, где основное внимание оказалось сосредоточено на сопротивлении этнических литовцев «обрусению».

У литовских историков межвоенного периода не вызывало сомнений наличие столкновения литовцев с «русскими властями». При обзоре российской политики исследователи обращали внимание на то, что она не оставалась постоянной. В исследованиях приводятся следующие факторы, корректировавшие национальную политику в отношении литовцев: взгляды российских императоров; вызовы со стороны нерусского населения («польские» восстания, сопротивление литовцев запрету печати в латинской графике), изменение международной ситуации, различные течения в российском обществе (движение славянофилов). Фиксация изменений российской национальной политики в зависимости от обстоятельств позволяет надеяться, что литовские историки обращали внимание и на изменение целей российской политики. И действительно, достаточно часто при рассмотрении российской политики в Северо-Западном крае исследователи отмечают такие изменения. Так, ксендз Антанас Алякна (*Antanas Alekna*), рассматривая российскую политику конца XVIII — первой половины XIX века (до восстания 1863–1864 годов), по сути упоминает только дискриминационные меры, не останавливаясь на целях, которые преследовали власти, а описывая период после восстания 1863–1864 годов, автор уже недвусмысленно говорит о политике «обрусения»¹. Несмотря на то что термин «обрусение» не эксплицируется, понятно, что автор понимал этот термин как ассимиляцию (и абсолютно не вызывает сомнений, что именно так обрусение понималось читателями). Период после подавления восстания 1863–1864 годов пользовался наибольшим вниманием историков. В польской историографии того же периода главенствовали схожие тенденции, краткое определение им дал Анджей Новак (*Andrzej Nowak*) — «империя против поляков, поляки против империи»: историков прежде всего интересовали

¹ *Alekna A. Lietuvos istorija. Kaunas, 1918. P. 115–121; Ruseckas P. Spaudos draudimo gadynė. Kaunas, 1929. P. 5–6.*

восстание, нелегальная деятельность поляков и репрессии российских властей¹.

Тем не менее в межвоенной Литве существовала и другая тенденция оценки российской политики, существование которой отчасти можно объяснить принципом «враг моего врага — мой друг». Поскольку основными врагами Литвы в то время, как мы уже знаем, были поляки, а Российская империя, вне всякого сомнения, проводила антипольскую политику, Россию можно было рассматривать позитивно. И во II Литовской республике появляются публикации, в которых и российская национальная политика, и даже кириллизация литовских изданий оценивались положительно. В литовской историографии, как и в белорусской советской историографии того времени, делаются попытки реабилитировать Михаила Николаевича Муравьева². Так, Паулюс Шляжас (Paulius Šležas) предлагал отказаться от навязанного поляками образа М. Н. Муравьева. По мнению историка, литовцы должны быть благодарны виленскому генерал-губернатору за антипольскую политику, улучшение экономической ситуации литовских крестьян и так далее. Без этих мер властей, согласно П. Шляжасу, не состоялось бы и «литовское возрождение». И эти заслуги М. Н. Муравьева гораздо более важны, чем те негативные последствия, которые повлекло за собой стремление властей утвердить в Литве русский элемент³. Правда, в более поздних публикациях П. Шляжас осторожнее оценивает политику М. Н. Муравьева и ее последствия для литовцев. Хотя П. Шляжас и позже не указывал на русификаторские цели М. Н. Муравьева, объясняя введение кириллицы стремлением отдалить литовцев от поляков и приблизить к русским⁴, он признавал, что трудно решить, чего для литовцев

¹ Новак А. Борьба за окраины, борьба за выживание: Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (Обзор современной польской историографии) // Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 429.

² Сельвестрова-Куль С. Е. Историография политики царизма в Белоруссии и национальное возрождение белорусов // Славяноведение. 1996. № 5. С. 8.

³ Šležas P. Muravjovas ir mūsų tautinis atgimimas // Rytas. 1929. Nr. 239–241.

⁴ Šapoka A. Lietuvos istorija. Kaunas: Švietimo ministerijos knygų leidimo komisijos leidinys, 1936. P. 486–487.

было больше в национальной политике виленского генерал-губернатора — пользы или вреда¹.

Ситуация в области литовского исторического нарратива радикально изменилась в 1940-х годах. Официальная концепция истории Литовской ССР теперь должна была быть не только марксистской, но и соответствующей принципам идеологии дружбы народов, сформулированной в Советском Союзе в середине 1930-х годов и утверждавшей, что русским и русской культуре в СССР принадлежит ведущая роль. Кроме того, официальная идеология, пропитанная примордиализмом, стала применяться и ко всему историческому процессу². Другими словами, народам были присвоены определенные, не меняющиеся с течением времени роли, поэтому одни народы стали символами прогресса (русские), другие — реакции (немцы, американцы и пр.). Официальная историография начала требовать демонстрации проявления в ходе истории прогрессивной роли русского народа и русской культуры, описания того, как «повезло» соседним народам, в том числе и литовцам, которые смогли присоединиться «к великому русскому народу» в борьбе за прогресс. В соответствии с этой идеологемой и конструировался исторический канон Литовской ССР: литовцы создали свое государство благодаря русскому народу, вместе с восточными славянами защищались от западных агрессоров, разделы Речи Посполитой сыграли прогрессивную роль и так далее. Большого количества усилий потребовали доказательства положительного влияния на литовцев разделов Речи Посполитой в конце XVIII века после «падения» польско-литовского государства: ускорилось экономическое развитие Литвы, передовая российская общественная мысль оказала положительное влияние на развитие литовской культуры³, усилилась классовая борьба и, наконец, литовцы были защищены от грозившей им

¹ Šležas P. Muravjovo veikimas Lietuvoj 1863–1865. Kaunas, 1933. P. 39–40. Похожая позиция: Klimas P. Muravjovo laikmetis Lietuvos žemės ir žemininkų istorijoje. Vilnius, 1920.

² Более подробно см.: Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; London: Cornell UP, 2001. P. 432–461.

³ Paleckis J. Mintys apie vyresnįjį brolių. Vilnius, 1959. P. 19.

полонизации¹. Иногда приводились и конкретные факты, призванные доказать, что наибольшая угроза ассимиляции литовского народа исходила не от властей, а от литовской шляхты и «реакционного духовенства» (иными словами — поляков). С 1860-х годов в учебниках остается только одно обстоятельство, позволяющее усмотреть положительное влияние включения Литвы в состав Российской империи, — ускорение развития экономики².

Правда, в написанном еще в 1957 году учебнике истории Юозаса Юргиниса (Juozas Jurginis) не акцентируется защита литовцев от ассимиляции после включения Литвы в состав Российской империи³. Практически с 1970-х годов авторы уходят от оценки этого факта и ограничиваются сухим описанием перемен, имевших место после вхождения Литвы в состав Российской империи. В части белорусской историографии и в новейших монографиях сохраняется тенденция усматривать положительные аспекты присоединения территорий Великого княжества Литовского к Российской империи: централизованная империя принесла политическую стабильность, положившую конец «феодальной анархии»; расширился рынок, что способствовало не только экономическому росту, но и национальной консолидации белорусов⁴. В работах литовских историков советского периода, посвященных истории XIX века, наряду с особым вниманием к борьбе «трудящихся масс» и пролетариата (особенно — к распространению идей марксизма)

¹ *Žiugžda J.* Antanas Mackevičius — Lietuvos valstiečių vadovas kovoje prieš carizmą ir dvarininkus. Vilnius: Mintis, 1951. P. 5–6; Lietuvos TSR istorija. D. I: Nuo seniausių laikų iki 1861 metų / Red. J. Žiugžda. Vilnius: Politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1953. P. 356–358.

² *Berlinskienė A., Gaigalaitė A., Jurginis J., Pilkauskas Z.* Lietuvos TSR istorija VII–VIII klasei / Red. J. Žiugžda. Kaunas: Valstybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1962. P. 28.

³ *Jurginis J.* Lietuvos TSR istorija. Vadovėlis vidurinėms mokykloms. Kaunas: Valstybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1957.

⁴ И эти, и оппонирующие тенденции рассматриваются в: *Токть С.* Российская империя и ее политика на белорусских землях в XIX — начале XX в. в современной белорусской историографии // *Западные окраины Российской империи* / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 506, 524, 527.

в Литве XIX века (описывается в границах Литовской ССР) «присутствуют» только литовцы, что, конечно, соответствовало действовавшему в Советском Союзе принципу «распределения труда».

Власти, против которых боролось литовское национальное движение, конечно, описывались в классовых категориях: «Классовые враги народных масс — литовские феодалы и русский царь — объединились, несмотря на национальные различия»¹. Менялось и определение власти в сравнении с исторической литературой межвоенного периода. Теперь это не «русские власти», но «царская власть» или «царизм». При описании мотивации политики и действий властей, конечно, отмечалось, что политика после восстания приобрела больше признаков дискриминации, власти должны были принимать во внимание растущее революционное движение, сопротивление литовского народа запрету литовской печати в латинской графике. В 1950-х годах и отчасти в начале 1960-х годов в опубликованных исторических работах действия «царизма» определялись как «политика национального угнетения» (такая формулировка особенно характерна для 1960-х годов)² или подобным образом. Нетрудно объяснить, почему эта политика не называлась ассимиляционной или русификационной. Признав, что власти стремились русифицировать представителей других национальностей, было бы трудно обосновать тезис о положительном влиянии на литовскую национальную культуру присоединения Литвы к Российской империи. Существование связи между этими двумя утверждениями подтверждает и уже упоминавшийся нами учебник Ю. Юргиниса. Как уже отмечалось, в этом учебнике не упоминается о положительном влиянии на литовскую национальную культуру включения Литвы в состав Российской империи. И поэтому неудивительно, что в этой работе политика «царских властей» после восстания 1863–1864 годов определяется как стремление русифицировать литовцев³. В более поздние

¹ Lietuvos TSR istorija nuo seniausių laikų iki 1857 metų / Vyr. red. J. Žiugžda. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958. P. 129–130.

² Lietuvos TSR istorija. 1963. T. 2. P. 201.

³ Jurginis J. Lietuvos TSR istorija. Vadovėlis vidurinėms mokykloms. Kaunas: Valstybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1957. P. 73.

годы историки уже не ставили под сомнение стремление властей «русифицировать край»¹.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов при описании репрессий «царской власти» после восстания 1863–1864 годов отмечались, в сущности, только дискриминационные меры, направленные против литовцев и литовской культуры². Это не должно вызывать удивления, поскольку восстание 1863–1864 годов трактовалось прежде всего как народное восстание против дворян и «царизма», а «польскому» восстанию отводилась второстепенная роль. Особое внимание уделялось запрету литовской печати в латинской графике. Но встречались и исключения. В 1965 году Витаутас Мяркис представил более полную картину дискриминационной политики, проводившейся Россией после восстания 1863–1864 годов, и стало понятно, что жертвами этой политики были не только литовцы³. В опубликованной в 1988 году истории Литвы четко сказано, что «царская власть» проводила дискриминационную политику в отношении поляков и иноверцев⁴, правда, и здесь основное внимание уделено описанию политики, направленной против литовцев и литовской культуры⁵.

Относительная либерализация советского режима приблизительно с середины 1960-х годов позволила литовским историкам более свободно выбирать темы исследований. В советское время за исключением проблематики, призванной служить упрочению идеологического базиса советской системы⁶, с фактографической

¹ *Vėbra R.* Pravoslavų dvasininkija ir nacionalinė priespauda Lietuvoje XIX a. antrojoje pusėje // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. T. VIII. 1966. P. 76–95; *Vėbra R.* Lietuvos katalikų dvasininkija ir visuomeninis judėjimas (XIX a. antroji pusė). Vilnius: Mintis, 1968.

² *Žiugžda J.* Lietuvos TSR istorija nuo seniausių laikų iki 1857 metų. Vilnius: Valsytinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958. P. 192–195.

³ *Merkys V.* Lietuvių nacionalinio judėjimo XIX a. socialinės-ekonominės priežastys // Lietuvos TSR istorijos bruožai / Sud. J. Jurginis. Kaunas: Šviesa, 1965. P. 58–60.

⁴ *Jučas M., Lukšaitė I., Merkys V.* Lietuvos istorija nuo seniausių laikų iki 1917 metų. Vilnius: Mokslas, 1988. P. 137, 139.

⁵ *Ibid.* P. 143–144.

⁶ Помимо работ, посвященных кириллизации литовской письменности, к исследованиям, рассматривающим национальную политику Российской империи, относится солидная работа Мяйле Лукшене (Meilė Lukšienė), посвященная школам первой половины XIX века: *Lukšienė M.* Lietuvos švietimo istorijos bruožai XIX a. pirmojoje pusėje. Kaunas: Šviesa, 1970.

точки зрения, пожалуй, лучше всего были исследованы темы кириллизации литовской письменности (прежде всего обстоятельства введения и упразднения запрета на печать) и сопротивления литовского общества этой политике (издание литовских книг в Пруссии, их нелегальный ввоз и распространение и так далее)¹. Значимость этой темы в литовской историографии того времени связана со стремлением историков отказаться от навязываемой идеологемы «дружбы народов», то есть с определенным интеллектуальным сопротивлением советской системе. Политика царской России в отношении недоминирующих национальных групп могла порождать у читателя аналогии с реалиями советского времени². При этом следует признать, что подобная тема не была самой опасной для советского режима — в отличие от многих других проблем литовской истории Новейшего времени ее можно было исследовать, публиковать работы³.

Начавшийся после провозглашения независимости Литвы в 1990 году (фактически — в 1988 году) процесс освобождения от идеологических ограничений оставил след и в историографии. В течение последующих десятилетий литовские историки опубликовали намного больше работ, посвященных истории Литвы в составе Российской империи, чем за весь более ранний период существования литовской профессиональной историографии. Рост количества работ был вызван ростом интереса

¹ *Tyla A. Prie lietuviškųjų spaudinių gotiškomis raidėmis uždraudimo istorijos // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų darbai: Bibliotekininkystės ir bibliografijos klausimai. T. 6. 1967. P. 171–174; Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla / Par. A. Tyla. Vilnius: LTSR MA Istorijos institutas, 1973; Vėbra R. Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. 1976. T. XVI (2). P. 34–50; Merkys V. Nelegalioji lietuvių spauda kapitalizmo laikotarpiu (ligi 1904 m.). Politinės jos susikūrimo aplinkybės. Vilnius: Mokslas, 1978.*

² Особенно хорошо известна история, касающаяся опубликованных Антанасом Тилой (*Antanas Tyla*) в 1973 году исторических источников «*Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla*» («Дело об упразднении запрета на литовскую печать»): эту книгу можно было купить, только имея разрешение директора Института истории Академии наук Литовской ССР.

³ О белорусской историографии см.: *Токть С. Российская империя и ее политика на белорусских землях в XIX — начале XX в. в современной белорусской историографии // Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 504.*

общества к истории, а также ростом числа профессиональных историков-исследователей. У ученых появилась возможность переиздать более ранние работы, освободив их от обязательных в советское время цитат классиков марксизма-ленинизма, и опубликовать исследования, которые советская власть не пропускала в печать¹. Политические перемены позволили историкам и в Литве, и в других странах постсоветского пространства исследовать новые темы, находившиеся в советское время фактически под запретом, в частности историю различных конфессий, а также российскую конфессиональную политику. Однако с точки зрения развития историографии важны не новые темы сами по себе, но концептуальные изменения.

Прежде всего следует отметить, что сохранилась очень сильная, сформировавшаяся в межвоенный период и развившаяся в советское время этноцентрическая концепция истории, согласно которой власти Российской империи понимаются как носители идей современного национализма, преследовавшие, начиная непосредственно после имевших место в начале XVIII века разделов Речи Посполитой, на территории Литвы основную цель — ассимиляцию литовцев². Похожие тенденции характерны и для белорусской историографии³.

При этом с 1988 года формируется и другая тенденция, представленная в посвященных XIX веку работах историков более молодого поколения — авторов издания «Lietuvių Atgimimo istorijos studijos» («Исследования истории литовского Возрождения»). Кредо этой группы исследователей сформулировали Эгидиус Аляксандравичюс (Egidijus Aleksandravičius) и Антанас Кулакаускас (Antanas Kulakauskas) в опубликованной в 1996 году книге «Carų valdžioje. Lietuva XIX amžiuje» («Под царской властью.

¹ Tyla A. Garšvių knygnešių draugija. Vilnius, 1991; Merkys V. Draudžiamosios lietuviškos spaudos kelias 1864–1904. Vilnius, 1994; *Idem*. Knygnešių laikai 1864–1904. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1994; Vėbra R. Lietuviškos spaudos draudimas 1864–1904 metais. Vilnius: Pradai, 1996.

² Vėbra R. Lietuvių visuomenė XIX a. antrojoje pusėje. Socialinės struktūros bruožai. Vilnius: Mokslas, 1990. P. 18; Merkys V. Knygnešių laikai. P. 9; *Idem*. Motiejus Valančius: tarp katalikiško universalizmo ir tautiškumo. Vilnius: Mintis, 1999. P. 49.

³ Szybieka Z. Historia Białorusi. 1795–2000. Lublin: Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 2002. S. 24.

Литва в XIX веке»)¹, указав, что предметом книги является «гражданская история Литвы». Переход от этноцентристской перспективы к гражданской, при котором объектом литовской истории становится не одна этническая группа, но все общество, конечно, наблюдается не только в исследованиях, посвященных истории XIX века, но и в работах, посвященных другим эпохам². Новая перспектива позволила по-иному увидеть и историю Литвы XIX века. Для литовских историков стало привычным определять границы Литвы в соответствии с принципом историзма, то есть исследовать Литву такой, какой ее понимали современники³; изучать не только историю литовцев, но и других проживавших в Литве этнических групп. Наконец, исследователи отказались и от упрощенной оценки российской политики.

В современной литовской историографии подчеркивается, что важнейшими целями российских властей на окраинах империи было обеспечение политической лояльности представителей нерусского населения, обеспечение стабильности империи, и не представляется возможным утверждать, что в течение всего рассматриваемого периода единственным устремлением была ассимиляция представителей других национальностей, и прежде всего — литовцев. Ясно указывается, что главным врагом имперские власти считали поляков и все польское⁴, причем, например, при рассмотрении периода правления Николая I невозможно утверждать, что национальная политика была направлена против литовского языка, поскольку литовский язык не считался общественно значимым⁵. При этом также подчеркивается,

¹ Aleksandravičius E., Kulakauskas A. *Carų valdžioje. XIX amžiaus Lietuva*. Vilnius: Baltos lankos, 1996. P. 217.

² Более подробно см.: Staliūnas D. *From Ethnocentric to Civic History: Changes in Contemporary Lithuanian Historical Studies // Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised / Ed. K. Matsuzato*. Hokkaido: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005. P. 311–331.

³ В современной белорусской историографии прослеживается тенденция описывать Белоруссию XIX века в этнографических категориях, то есть как территорию с преобладающим белорусским населением.

⁴ Этот тезис хорошо иллюстрирует исследование российской цензуры в Литве: *Medišauskienė Z. Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje*. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas, 1998.

⁵ Aleksandravičius E., Kulakauskas A. *Carų valdžioje*. P. 67–68.

что систематически проводить «политику располячивания» во время правления Николая I власти также не могли, поскольку ощущалась нехватка средств и людей, и, наконец, не ставилась цель уничтожить господствующее сословие — дворянство¹. Политика «русификации», по утверждению этой группы литовских историков, имела место в течение достаточно непродолжительного периода после подавления восстания 1863–1864 годов². Национальная политика в этот период однозначно оценивается как ассимилятивная³, иногда ее называют и «тотальной русификацией»⁴. Такие определения встречаются и в части белорусской историографии, для которой характерна тенденция экстраполировать действия имперских властей, направленные против белорусов, на всю национальную политику на западных окраинах Российской империи⁵. Большинство авторов, описывая политику российских властей после восстания 1863–1864 годов, отмечают различия между действиями властей в Северо-Западном крае, где дискриминационная политика была достаточно всеобъемлющей, и более мягкой политикой в Августовской (позже — Сувалкской) губернии, где также жили литовцы.

Таким образом, можно говорить о том, что в литовской историографии, посвященной политике Российской империи, несмотря на существенные различия, присутствовало единое мнение о том, что (во всяком случае, после восстания 1863–1864 годов⁶) власти стремились превратить литовцев в русских.

¹ Aleksandravičius E., Kulakauskas A. Carų valdžioje. P. 72.

² Ibid. P. 53, 82–83, 92.

³ Kulakauskas A. Kova už valstiečių sielas. Caro valdžia, Lietuvos visuomenė ir pradinis švietimas XIX a. viduryje. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla, 2000. P. 6. Отмечу, что в этой работе элементы такой политики отмечаются уже после восстания 1830–1831 годов.

⁴ Kulakauskas A. Rusifikacinės masinio pradinio švietimo sistemos kūrimo Kauno gubernijoje pradžia (XIX a. 7-asis dešimtmetis) // Praeities baruose. Vilnius: Žara, 1999. P. 211.

⁵ Нарысы гісторыі Беларусі у 2-х частках. Ч. 1. С. 129, 333; Смалянчук А. Ф. Паміж краёваццю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх літоўскіх землях 1864–1917 г. Санкт-Пецярбург: Неўскі працяг, 2004. С. 114; Гісторыя Беларусі. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII—пачатак XX ст.). Мінск: УП «Экаперспектыва», 2005. С. 243, 270.

⁶ В российской историографии это, как и предыдущее восстание 1830–1831 годов, называется Польским.

Эту позицию при определении целей имперской политики по отношению к нерусскому населению разделяет и большинство белорусских исследователей. Похожие тенденции мы видим и в польской историографии, где в течение последних десятилетий наблюдается рост интереса к национальной политике России, в том числе и на исторических землях Великого княжества Литовского¹.

Генрих Глембоцкий (Henryk Głębocki) в своей новаторской книге, посвященной «польскому вопросу» в Российской империи середины XIX века, опираясь не столько на практику национальной политики, сколько на общественные дискуссии, не раз подчеркивает стремление имперских властей «русифицировать» поляков². При этом он показывает, что в среде правящей и интеллектуальной элиты Российской империи отношение к полякам меняется не после восстания 1863–1864 годов, но уже в 1861 году, когда становится понятно, что для русских неприемлемо стремление поляков объединить Западный край с Царством Польским в одну административную единицу. «Польский вопрос» и особенно восстание 1863–1864 годов, как считает историк, усилили русский национализм. Поскольку восстание воспринималось как «шляхетский мятеж», правящая элита империи попыталась использовать в Царстве Польском инструменты социального радикализма — Николай Алексеевич Милютин, руководитель Учредительного комитета в Царстве Польском (Komitet Urządzący Królestwa Polskiego), пытался разъединить дворянство и народ с помощью крестьянской реформы и других средств.

Витольд Родкевич (Witold Rodkiewicz) выделяет две модели российской национальной политики 1863–1905 годов:

¹ Обзор этой историографии см.: Новак А. Борьба за окраины, борьба за выживание. С. 429–464.

² Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków: Arcana, 2000. По мнению Г. Глембоцкого, предложения славянофилов, и прежде всего Александра Федоровича Гильфердинга, поддерживать развитие литовской, белорусской и украинской культур было лишь временной мерой борьбы с поляками, при этом основной целью оставалась русификация; Он же. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // Ab Imperio. 2005. № 2. С. 135–166.

имперскую стратегию (*imperial strategy*), акцентировавшую основанную на лояльности к империи политическую интеграцию, сторонники которой не брезговали поддержкой более слабых национальных движений с целью создания противовеса более сильным и верили, что литовцы, белорусы-католики и католики-украинцы позже ассимилируются сами, критиковали агрессивную политику в отношении представителей других национальностей как отвращающую от всего русского; при этом сторонники бюрократического национализма (*bureaucratic nationalism*) описывали принадлежность к русской нации в этнических и конфессиональных категориях и стремились к лингвистической и культурной ассимиляции представителей других национальностей. По мнению польского историка, в 1863–1904 годах доминировала вторая модель национальной политики¹. Монографию В. Родкевича, написанную на основе диссертации, защищенной в Гарвардском университете, пожалуй, следует отнести не к польскому нарративу, но к традиции западной историографии, изучающей национальные проблемы в Российской империи. К рассмотрению западной традиции я сейчас и перейду².

В западной историографии периода холодной войны национальная политика Российской империи XIX века, как и национальная политика Советского Союза, не была приоритетной темой. В исторической литературе господствовала руссоцентристская трактовка Российской империи³. Игнорирование национальных проблем исторической наукой может быть

¹ *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Liublin: Sciencic Society of Liublin, 1998. P. 13–16.

² Наибольшее внимание здесь уделено историографии, опубликованной до 2007 года, то есть до издания книги «Making Russians». Новейшая литература приведена в следующей части введения, в которой описываются использованный метод исследования и структура книги.

³ *Pearson R.* Privileges, Rights, and Russification // *Civil Rights in Imerial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxord: Clarendon Press, 1989. P. 88; *Raeff M.* Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities // *Raeff M.* Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. San Fransisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 127; *Семенов А. М.* Англо-американские исследования по истории российской империи и СССР // *Новая имперская история постсоветского пространства* / Ред. И. Герасимов и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 613–614.

объяснено и господствовавшей в то время в Западной Европе установкой, трактовавшей национализм как «отживший» исторический феномен. Изучение окраин империи было «резервировано» для «представителей» недоминировавших национальных групп — поляков, евреев, финнов, которые, согласно Эдварду Тайдену (Edward Thaden), продолжали традицию, заложенную в 1860-х годах публицистами Остзейских губерний и Польши, трактовавшими имперскую национальную политику как стремление русифицировать представителей других национальностей¹.

Эта прямолинейная трактовка была поставлена под сомнение в конце 1970-х — начале 1980-х годов². Неудивительно, что одними из первых в тезисе, согласно которому русификация означала безоглядную ассимиляцию, усомнились историки, изучавшие политику Российской империи в Великом княжестве Финляндском, во внутреннюю жизнь которого имперские власти, как известно, вмешивались минимально³. Наибольший вклад в «ревизионизм» внес Э. Тайден, выделивший три типа русификации: незапланированный (случаи, когда нерусские подданные по собственному желанию перенимали русскую культуру, язык, обычаи и пр.); административный (запланированная попытка ввести российские институты и законы, а также русский язык в государственных учреждениях и школах — такая политика, согласно автору, господствовала в Прибалтийских губерниях и в Финляндии); культурный (в этом случае власти стремились к тому, чтобы представители других национальностей перенимали русскую культуру, — такую политику пытался проводить Александр III)⁴.

Для того чтобы в историографии произошли более значительные изменения, потребовался развал Советского Союза

¹ Thaden E. C. Russification in Tsarist Russia // E. C. Thaden with the collaboration of M. F. Thaden. *Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe*. New York: Social Science monographs, Boulder, 1990. P. 211.

² Starr F. *Tsarist Government: The Imperial Dimension // Soviet Nationality Policies and Practices* / Ed. J. R. Azrael. New York: Praeger Publishers, 1978. P. 3–38.

³ Pistohlkors G. von. «Russifizierung» in den Baltischen Provinzen und in Finnland im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. *Neue westliche Darstellungen // Zeitschrift für Ostforschung*. 1984. B. 33. S. 592–606.

⁴ Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. E. C. Thaden. Princeton: Princeton University Press, 1981. P. 8–9.

и всего советского блока. С одной стороны, конец существования Советского Союза завершил историю России как «многонациональной империи»¹, с другой стороны, восстановление и создание новых национальных государств ярко продемонстрировали силу национализма.

В оценках национальной политики Российской империи в последние десятилетия просматривается тенденция отказа от понимания национальной политики России как системной ассимиляции представителей других национальностей. Рэймонд Пирсон (Raymond Pearson) утверждал, что у России не было ни амбиций, ни ресурсов для ассимиляции нерусского населения, возможно, за исключением белорусов и украинцев². Достаточно часто отмечается, что имперские власти использовали и политический принцип «разделяй и властвуй» — поддерживали более слабый национализм в его борьбе с более сильным, то есть с тем, который считался более опасным для империи или для интегральности русской нации³. Кимитака Матцузато (Kimitaka Matsuzato) считал такую политику в определенном смысле неизбежной. По мнению ученого, власти Российской империи на тех окраинах государства, где они сталкивались с абсолютно нелояльно настроенным народом (на западных окраинах — это поляки), проводили политику «этнического бонапартизма», то есть старались противопоставить своему самому сильному врагу на этой территории другие недоминирующие национальные группы. В такие места назначались только те генерал-губернаторы, которые были готовы проводить политику «разделяй и властвуй»⁴.

¹ *Kappeler A.* «Россия — многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 9.

² *Pearson R.* Privileges, Rights, and Russification // *Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 89–90.

³ *Kappeler A.* Nationsbildung und Nationalbewegungen im Russländischen Reich // *Archiv für Sozialgeschichte*. 2000. B. 40. S. 71; *Snyder T.* The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven; London: Yale University Press, 2003. P. 49.

⁴ *Матцузато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // *Новая имперская история постсоветского пространства* / Сост. И. Герасимов и др. Казань: Центр изучения национализма и империи, 2004. С. 429.

Можно считать общей для западной и российской историографий тенденцию дифференцировать цели российской национальной политики с точки зрения времени, отдельных территорий и отдельных этнических групп. Наиболее ярко эта трактовка отражена в работах Андреаса Каппелера (Andreas Kappeler), который подчеркивает, что до конца существования империи власти стремились не к русификации, а к обеспечению политической стабильности¹. Согласно А. Каппелеру, до 1831 года в Российской империи доминировала политика, основанная на кооперации с социальной и политической элитой присоединенных земель, и от новых подданных требовалась прежде всего политическая лояльность. И только с 1831 года и еще в большей степени с 1860-х годов усиливается политика культурной интеграции (именно к этой политике автор предлагает применять термин «русификация»), однако и эта политика не применялась последовательно в отношении всех недоминировавших групп. А. Каппелер сформулировал положение о влиянии на «этническую иерархию» Российской империи трех факторов: фактора лояльности недоминирующих этнических групп, сословно-социального фактора и фактора культурной (религиозной, языковой и пр.) близости к великороссам. По мнению ученого, вплоть до конца существования империи наибольшую роль играли первые два фактора, при этом во второй половине XIX века их нередко дополнял, а иногда и заменял культурный фактор. Этнические группы, находившиеся в наибольшей близости к центру этнической иерархии, подвергались минимальной дискриминации, но в то же время они (прежде всего украинцы и белорусы) испытывали и максимальное ассимиляционное давление².

С последним тезисом в западной и российской историографии согласно большинство исследователей. Но иногда встречаются

¹ Kappeler A. Historische Voraussetzungen des Nationalitätenproblems im russischen Vielvölkerreich // Geschichte und Gesellschaft. 1982. B. VIII, 2. S. 159–183; *Idem.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München: C. H. Beck, 1992. S. 203–204, 225–228.

² Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений / Отв. ред. А. И. Миллер, В. Ф. Репринцев, Б. Н. Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125–144.

и исключения. Так, в монографии российского историка Анны Альфредисовны Комзоловой, посвященной политике Российской империи в Северо-Западном крае и прежде всего анализу отношения к этой политике разных групп правящей и интеллектуальной элиты, утверждается, что власти, в первую очередь генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман, стремились применять меры, предусматривавшие «полную этническую ассимиляцию польского населения Северо-Западного края»¹.

Не относит русификацию к основным целям национальной политики России и Теодор Р. Уикс (Theodore R. Weeks)², делая исключение в этом случае для политики в отношении белорусов и украинцев. В статьях, посвященных политике России в отношении литовцев, он прежде всего обращает внимание на то, что говорят сами имперские чиновники о целях национальной политики. Особое внимание исследователь уделяет отчетам губернаторов. Он отмечает, что обычно чиновники как цель национальной политики указывали русификацию края, но не конкретной этнической группы. При этом Т. Р. Уикс считает, что ответить на вопрос, стремились ли власти к русификации литовцев, сложно³.

Достаточно популярным в исторической литературе стал тезис о том, что расширение империи проходило за счет русского народа, то есть мультиэтнический характер государства не позволил осуществить проект современного русского народа⁴. Реагируя на такие концепции, Алексей Ильич Миллер утверждает, что дефиниция национализма Эрнеста Геллнера

¹ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 172. В этой книге на основании фондов исключительно архивов центральных учреждений детально описаны некоторые меры национальной политики в Северо-Западном крае, но при этом следует отметить, что автор, не будучи знакома с местными архивами, далеко не полно смогла описать реализацию национальной политики.

² Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863–1914. De Kalb: Northern Illinois University Press, 1996. P. 13, 17, 69.

³ Weeks T. R. Russification and the Lithuanians, 1863–1905 // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. № 1. P. 96–114; *Idem*. Official Russia and Lithuanians, 1863–1905 // *Lithuanian Historical Studies*. 2001. Vol. 5. P. 68–84.

⁴ Hosking G. Empire and Nation-Building in Late Imperial Russia // *Russian Nationalism. Past and Present* / Ed. G. Hosking and R. Service. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 19–34; *Idem*. *Rußland. Nation und Imperium, 1552–1917*. Berlin: Siedler,

(Ernest Gellner), согласно которой национализм — это движение, стремящееся к конгруэнции политических и культурных границ, соответствует национализму недоминирующих этнических групп, но не соответствует тем случаям, когда у национализма имеется «своя» империя. А. И. Миллер утверждает, что российская правящая и интеллектуальная элиты различали понятия русской «национальной территории» и империи: империя никогда не понималась как те границы, в которых могло проходить осуществление проекта современной русской нации, то есть имперские власти никогда не стремились к конгруэнции Российской империи и русской культуры, иначе говоря, к ассимиляции представителей всех других национальностей. Однако в умах правящей и интеллектуальной элит существовало представление о части империи, которая с этнокультурной точки зрения была русской или должна была такой стать¹.

А. И. Миллер сформулировал и всю программу русификации «классифицировать и понять». Российский ученый предлагает обратить внимание на многозначность процесса русификации в Российской империи: объем понятия «русификация» зависел от того, как определялась принадлежность к русскому народу; понятие имело разное значение по отношению к разным этническим группам; в определенных случаях ясно прослеживался порог «отверженной ассимиляции», то есть границы готовности империи и русского общества принять обрусение (так, с большим подозрением относились к обрусевшим евреям); для процесса русификации были важны обе стороны — и имперские власти, и представители нерусской национальности, у которых

2000; Rowley D. G. Imperial Versus National Discourse: The Case of Russia // Nations and Nationalism. 2000. Vol. 6 (1). P. 23–42.

¹ Miller A. Shaping Russian and Ukrainian Identities in the Russian Empire During the Nineteenth Century: Some Methodological Remarks // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. В. 49. Н. 2. S. 258; Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе / Сост. М. Баталин, А. Миллер. М.: Новое издательство, 2004. С. 265–270; Miller A. Between Local and Inter-Imperial. Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm // Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. № 1. P. 23; Nationalizing Empires / Ed. S. Berger, A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015.

часто могли быть свои стимулы изучать русский язык, перенимать русскую культуру и пр.¹

Несмотря на то что в западноевропейской и российской историографии обычно утверждается, что после подавления восстания 1863–1864 годов и особенно в период с 1880-х годов вплоть до революции 1905 года усиливалась дискриминационная политика в отношении представителей нерусских групп², некоторые из упомянутых мной авторов, а также множество других склонны подчеркивать непоследовательность российской национальной политики. Ученые отмечают, что в империи отсутствовал институт координации национальной политики, применяемые властями меры чаще всего были не этапами заранее планировавшихся действий, но лишь ответом на «вызовы» со стороны представителей других национальностей (например, «польское» восстание и пр.), поэтому приходят к выводу об отсутствии в Российской империи последовательной национальной политики³. Российский историк Леонид Ефремович Горизонтов подчеркнул эту непоследовательность и в названии книги — «Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше»⁴.

Более продуктивным в сравнении с тезисом о непоследовательности национальной политики представляется подход, стремящийся выделить конкурирующие представления об империи и/или соответствующие этим представлениям стратегии

¹ Миллер А. И. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 133–148; *Он же*. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 54–77.

² *Person R. Privileges, Rights, and Rusification, Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 94–97, 102; *Thaden E. Russification in Tsarist Russia* // Edward C. Thaden with the collaboration of M. Forster Thaden, *Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe*. New York: Social Science monographs, Boulder, 1990. P. 211–220; *Hosking G. Rußland. Nation und Imperium, 1552–1917*. Berlin: Siedler, 2000. S. 408.

³ *Person R. Privileges, Rights, and Rusification* // *Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 89–90; *Lieven D. The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven; London: Yale UP, 2002. P. 275; *Weeks T. R. Managing Empire: Tsarist Nationalities Policy* // *The Cambridge History of Russia*. Vol. II: *Imperial Russia, 1689–1917*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 27–44.

⁴ *Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше*. М.: Индик, 1999.

национальной политики, характерный для работ В. Родкевича¹. Карстен Брюггеманн (Karsten Brüggemann) вслед за Марком Бассином (Mark Bassin) показал, как перцепция Прибалтийских губерний в российском дискурсе коррелировала с различными представлениями об империи — «европейской», «антиевропейской», «национальной»². Т. Р. Уикс выбрал двух деятелей для представления различных позиций по отношению к нерусскому населению: Василия Иосифовича Гурко, сына варшавского генерал-губернатора Иосифа Владимировича Гурко, и виленского генерал-губернатора Петра Дмитриевича Святополк-Мирского³. М. Д. Долбилов видит в российской конфессиональной политике динамическую смену политики «дисциплинирования» (когда государство предоставляет «иностранцам» исповеданиям важные функции) и политики «дискредитации» (которая, часто будучи мотивирована различными фобиями, стремилась к уменьшению роли неправославных конфессий)⁴.

Параллельно существует и другая точка зрения, сторонники которой склонны не замечать различий российской национальной политики, конкретно — конфессионального подхода. Роберт Круз (Robert Crews) экстраполирует практики российской конфессиональной политики из Волго-Уральского региона в первой половине XIX века на всю империю, а также и на более поздний период и представляет Российскую империю как «конфессиональное государство», явно переоценивая благосклонность императоров к религиозной ортодоксии и игнорируя религиозную юдофобию⁵. При этом часть современных

¹ Kivelson V. A., *Suny R. G. Russia's Empires*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 250–252.

² Brüggemann K. *Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018.

³ Weeks T. R. *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863–1914*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996. P. 47–54.

⁴ Долбилов М. Д. *Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

⁵ Crews R. *Empire and Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth Century Russia // American Historical Review*. 2003. Vol. 108/1. P. 50–83.

российских и белорусских историков считает своим долгом поиск оправдания действий имперских властей в отношении неправославных конфессий, что заставляет ученых прибегать к риторике чиновников XIX века и не замечать никакой дискриминации нерусского и неправославного населения¹.

«Ревизионистские» интерпретации постепенно утвердились и в работах историков, посвященных «еврейскому вопросу». В последнее время историки отказались от понимания российской политики в отношении евреев как последовательной дискриминации этой этноконфессиональной группы с целью ее русификации. Исследователи утверждают, что и часть российских императоров, и некоторые представители российской правящей элиты достаточно положительно относились к евреям и усиление дискриминационной политики было вызвано не только позицией тех представителей политической элиты России, для которых были характерны сильные юдофобские взгляды (важно и то, что эта юдофобия определялась не только унаследованным религиозным антииудаизмом, но и экономическим и политическим расчетом), но и другими факторами: замкнутостью самой еврейской общины, распространенными в обществе антиеврейскими настроениями. В современной историографии большинство исследователей согласны с тем, что имперские власти не стремились к ассимиляции евреев и с 1880-х годов вообще перешли к политике сегрегации; несмотря на широкую распространенность антиеврейских фобий среди представителей правящей элиты, власти не стимулировали антиеврейских погромов и пр. В то же время отмечается, что даже те российские чиновники, которые были позитивно настроены по отношению к евреям, не смогли представить реальных проектов интеграции или ассимиляции этой этнокультурной группы, поскольку руководствовались в большей степени абстрактными, а не реальными представлениями о евреях².

¹ Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — XX в. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007; Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010.

² С целью экономии места историография «еврейского вопроса» не приводится. Отметим, что речь идет о работах Дж. Д. Клира, Й. Петровского-Штерна, М. Станиславского, Б. Натанса, М. Аронсона и других.